

Принудительные меры медицинского характера как комплексный правовой институт

К. А. АБДАЛОВ – профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук;

А. А. МОКЕРОВА – курсант 4 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена рассмотрению некоторых теоретических проблем, связанных с совершенствованием института принудительных мер медицинского характера с учетом принципов современного уголовного права и судопроизводства. Показана комплексная и межотраслевая природа данного института. Проведен анализ научных дискуссий по вопросу переосмысления целей принудительных мер медицинского характера, их сущности и значимости для интересов правосудия и решения проблем эффективности уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. Подчеркивается их двойственный характер, включающий медицинскую и юридическую составляющие. Обосновывается необходимость разработки методических рекомендаций по взаимодействию с лицами, имеющими психические аномалии, адресованных сотрудникам органов предварительного расследования, судьям, сотрудникам ФСИН России, задействованным в охране специализированных стационаров. Делается обобщающий вывод о необходимости дальнейшего совершенствования института принудительных мер медицинского характера и практики его применения.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; общественная опасность; психические расстройства; иные меры уголовно-правового характера; принудительное лечение; меры безопасности.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Абдалов К. А., Мокерова А. А. Принудительные меры медицинского характера как комплексный правовой институт. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 2 (12), с. 102–106, DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-102-106.

Compulsory measures of a medical nature as a comprehensive legal institution

K. A. ABDALOV – Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. of Medicine;

A. A. MOKEROVA – 4th year cadet of the law faculty of the of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article is devoted to the disclosure of some theoretical problems associated with the improvement of the institution of compulsory medical measures, taking into account the principles of modern criminal law and legal proceedings. The complex and intersectoral nature of this institution is shown. The analysis of scientific discussions on the question of rethinking the goals of compulsory measures of a medical nature, their essence and significance for the interests of justice and solving the problems of the effectiveness of criminal punishment and other measures of a criminal law nature. Their dual nature, including medical and legal components

is emphasized. The necessity of developing guidelines for interaction with persons with mental anomalies, addressed to employees of the preliminary investigation bodies, judges, employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, involved in the protection of specialized hospitals, is substantiated. A generalizing conclusion is made about the need for further improvement of the institution of compulsory medical measures and the practice of its application.

Key words: compulsory medical measures; public danger; mental disorders; other measures of a criminal law nature; compulsory treatment; security measures.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Abdalov K. A., Mokerova A. A. Compulsory measures of a medical nature as a comprehensive legal institution. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 2 (12), pp. 102–106, DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-102-106.

Нормы уголовного права и процесса, регламентирующие принудительные меры медицинского характера, образуют развивающийся межотраслевой правовой институт, который находится в состоянии постоянного обновления и совершенствования в силу обнаружения и описания новых психических болезней и расстройств человека, выявления ранее неизвестных закономерностей их влияния на противоправное поведение. Производство по таким делам основывается на нормах не только внутригосударственного права и судебной практики, но и международного права и международной судебной практики. На данное обстоятельство справедливо обращает внимание П. А. Лупинская¹. Данный институт является необходимым уголовно-правовым средством профилактики и пресечения правонарушений, совершаемых лицами, имеющими психические отклонения, поскольку судить их как обычных преступников нецелесообразно, так как они, во-первых, представляют опасность для себя и окружающих, во-вторых, меры воспитания и принуждения по отношению к ним не будут иметь ожидаемого эффекта. Отсюда возникает потребность в помещении их в специализированные психиатрические учреждения системы здравоохранения либо проведении принудительного лечения у психиатра амбулаторно, в том числе и в сочетании с исполнением наказания.

Актуальность исследования обусловлена наличием нерешенных теоретических и практических вопросов и примененных принудительных мер медицинского характера. Одной из доктринальных проблем выступает корректность терминологии. Так, мы разделяем мнение В. К. Дуюнова, который предлагает вместо термина «принудительные меры медицинского характера» использовать понятия «медицинские меры

безопасности» или «медицинские меры уголовно-правового характера»², поскольку данные меры носят комплексный характер, сочетая в себе медицинский и юридический компоненты, что обуславливает их юридическую природу. Исходя из этого, цели рассматриваемых мер отличаются от остальных мер государственного реагирования на преступления. Данную позицию разделяют также М. Н. Голоднюк³, А. Н. Тарбагаев, А. В. Усс⁴, Н. В. Щедрин⁵.

Некоторые ученые абсолютизируют материально-правовую природу рассматриваемого института. Так, по мнению Г. В. Назаренко, принудительные меры медицинского характера являются «самостоятельным институтом уголовного права»⁶. С данным мнением трудно согласиться, поскольку принудительные меры медицинского характера регулируются положениями не только уголовного, но и уголовно-процессуального закона. В рамках теории уголовно-процессуального права выделяется понятие производства о применении института принудительных мер медицинского характера, что выявляет его особую сущность и самостоятельность в уголовном процессе. В частности, известный процессуалист П. А. Лупинская трактует его как установленный уголовно-процессуальным законом порядок расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел в отношении лиц, которые в силу психического состояния не подлежат уголовной ответственности⁷. Указанное понятие, по нашему мнению, применимо в рамках уголовного процесса, но подчеркивает межотраслевую природу исследуемого явления. Научные дискуссии процессуалистов и представителей уголовно-правовой науки имеют свои плоды – институт принудительных мер медицинского характера постоянно совершенствуется, становится более понятным правоприменителю.

Теоретические проблемы также обусловлены определением общеправового и процессуального статуса лица, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии невменяемости либо приобретшего психическое расстройство после совершения преступления, что не позволяет на данном этапе производства по делу проводить с ним процессуальные действия или исполнять наказание. Несмотря на конкретизацию отдельных аспектов в рамках уголовного и уголовно-процессуального права, недостаточность познаний работников судебно-следственных органов в области человеческой психики и алгоритмов взаимодействия с лицами, имеющими психические расстройства, а также органами и учреждениями, отвечающими за оказание психиатрической помощи, иногда приводит к ошибкам в правоприменении и неэффективности мер уголовной репрессии. К этому добавляется недостаточно активное приглашение к участию в процессуальной деятельности лиц, обладающих специальными знаниями в области судебной психиатрии и судебной психологии. Данный вопрос встает особенно остро в случаях с пограничной психопатологией, когда невменяемым лицом признать нельзя, но его поведение не укладывается в рамки обычной активности психически здорового человека. Здесь наиболее отчетливо проявляются проблемы, разрабатываемые в теории уголовного права и процесса, связанные с деликтоспособностью, процессуальной дееспособностью, определением наличия состава преступления, квалификацией преступления, объемом и характером мер государственного принуждения. Следовательно, считаем, что представителям органов здравоохранения, задействованным в принудительном лечении лиц с психическими расстройствами, совершивших противоправные деяния, целесообразно подготовить методические указания либо рекомендации по работе с данной категорией правонарушителей, а также назначению судебно-психиатрических экспертиз и применению принудительных мер медицинского характера, в том числе в процессе отбывания наказания. Полагаем, что они могут быть полезны как органам предварительного расследования, судьям, так и сотрудникам УИС, поскольку в местах лишения свободы содержится довольно много лиц с психическими аномалиями в пределах вменяемости. Кроме того, сотрудники ФСИН России осуществляют охрану, отвечают за безопасность специализированных психи-

атрических стационаров с интенсивным наблюдением и в силу этого должны обладать соответствующими познаниями.

Практические проблемы заключаются в неправильном применении законодательства при рассмотрении уголовных дел о принудительных мерах медицинского характера. Основными из них выступают: необоснованное применение либо, напротив, неприменение в случае необходимости рассматриваемых мер; нарушение процедуры психиатрического освидетельствования, его кратности; несоответствие выбранной меры степени общественной опасности лица либо затягивание решения вопросов об изменении меры; полное устранение лиц, подвергнутых принудительным мерам медицинского характера, от участия в процессуальных действиях без учета состояния их здоровья и др. Считаем, что подобные ошибки являются грубыми нарушениями законности.

Принудительные меры медицинского характера обладают двойственностью, поскольку охватывают как медицинский, так и юридический аспекты. Медицинский аспект выражается в том, что такие меры применяются к лицам, страдающим психическими болезнями (расстройствами) и в связи с этим нуждающимся в лечении и проведении различных реабилитационных мероприятий. Юридический аспект состоит в том, что указанные меры применяются к лицам, совершившим уголовно наказуемое деяние, которое представляет опасность для общества, а также для них самих, и на основании этого они должны быть подвергнуты существенному ограничению прав и свобод.

Цель мер медицинского характера определяется альтернативно: излечение либо улучшение психического состояния психически больных лиц. Меры юридического характера имеют целью предупреждение совершения новых общественно опасных деяний⁸. Данные меры, как известно, не содержат в себе элемента кары.

В уголовно-правовой доктрине неоднократно высказывалось мнение о необходимости дополнить перечень целей принудительных мер медицинского характера социальной реабилитацией⁹. Однако вряд ли с этим можно согласиться. Дело в том, что реабилитация практически всегда входит в программу лечения лиц, направляемых на принудительное лечение, и, как следствие, является задачей или средством достижения цели, но не самой целью.

Другие авторы указывают на такое упущение законодателя, как умолчание в право-

вых нормах о цели охраны прав и законных интересов психически больных¹⁰. Однако представляется, что это относится к принципиальным, базовым постулатам оказания психиатрической помощи¹¹, которые должны соблюдаться в любом случае.

В этой связи следует критически отнестись к мнению Е. В. Шпыновой, которая предлагает изложить ст. 98 УК РФ в новой редакции и разделить цели применения принудительных мер медицинского характера на соединенные и не соединенные с уголовным наказанием. В первом случае ученый говорит об излечении лиц, указанных в п. «в» и «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, или улучшении их психического состояния, способствовании достижению целей наказания. Во втором случае также ставятся цели излечения указанных лиц и предупреждения новых общественно опасных деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ¹². Сложно согласиться с данной точкой зрения, поскольку предупреждение совершения новых общественно опасных деяний выступает важнейшей составляющей при назначении принудительных мер медицинского характера, поэтому данная цель является в любом случае необходимой.

Подводя итоги сказанному, сделаем ряд важных выводов.

Во-первых, в настоящее время сохраняются некоторые пробелы в уголовном и

уголовно-процессуальном законах, что обуславливает определенные трудности в применении законодательства при назначении принудительных мер медицинского характера.

Во-вторых, в правовой науке существует значительное количество исследований, посвященных совершенствованию института принудительных мер медицинского характера, однако большинство из них не носят комплексного характера, что в данном случае представляется необходимым.

В-третьих, отсутствует единство мнений в теории уголовно-правовой и процессуальной науки по поводу определения целей принудительных мер медицинского характера. Считаем, что в качестве таковых следует рассматривать две неотъемлемые составляющие: юридическую (правовую) – предупреждение совершения новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, и медицинскую – излечение лиц и улучшение их психического здоровья. Без достижения целей медицинского характера не представляется возможной реализация целей правовых.

Таким образом, следует заключить, что работа по совершенствованию межотраслевого института принудительных мер медицинского характера на настоящий момент не завершена, равно как требует совершенствования и правоприменительная практика.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 931.

² См.: Дуюнов В. К. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учеб. / под ред. В. К. Дуюнова. 6-е изд. М., 2020. С. 299.

³ См.: Голоднюк М. Н. Принудительные меры медицинского характера и проблемы совершенствования их применения // Уголовное право в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 31 мая – 1 июня 2001 г.) М., 2002. С. 126–129.

⁴ См.: Тарбагаев А. Н., Усс А. В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера, применяемых к осужденным // Правоведение. 1992. № 3. С. 115–117.

⁵ См.: Щедрин Н. В. Меры безопасности в системе предупредительной деятельности // Вопросы уголовной политики. Красноярск, 1991. С. 155–165.

⁶ Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского воздействия: раздел «Меры общественной безопасности» // Lex Russica. 2017. № 8 (129). С. 14.

⁷ См.: Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации.

⁸ См.: Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского характера : учеб. пособие. М., 2011. С. 52.

⁹ См.: Достовалов С. А. Цели принудительных мер медицинского характера // Законность. 2000. № 1. С. 49–50.

¹⁰ См.: Менджиева А. Б. Принудительные меры медицинского характера // Рос. юстиция. 2007. № 1. С. 37–38.

¹¹ См.: О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : закон Рос. Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 08.12.2020) // Ведомости Съезда народ. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 33. Ст. 1913.

¹² См.: Шпынова Е. В. Принудительные меры медицинского характера: теоретические и правоприменительные проблемы // Актуал. проблемы рос. права. 2015. № 4. С. 64.

¹ Sm.: Lupinskaya P. A. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii : ucheb. / otv. red. P. A. Lupinskaya, L. A. Voskobitova. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2020. S. 931.

² Sm.: Duyunov V. K. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti : ucheb. / pod red. V. K. Duyunova. 6-e izd. M., 2020. S. 299.

³ Sm.: Golodnyuk M. N. Prinuditel'ny'e mery` medicinskogo xaraktera i problemy` sovershenstvovaniya ix primeneniya // Ugolovnoe pravo v XXI veke : materialy` mezhdunar. nauch. konf. na yurid. fak. MGU im. M. V. Lomonosova (Moskva, 31 maya – 1 iyunya 2001 g.) M., 2002. S. 126–129.

⁴ Sm.: Tarbagaev A. N., Uss A. V. Pravovaya priroda prinuditel'ny'x mer medicinskogo xaraktera, primenyaemy'x k osuzhdeniy'm // Pravovedenie. 1992. № 3. S. 115–117.

⁵ Sm.: Shhedrin N. V. Mery' bezopasnosti v sisteme predupreditel'noj deyatel'nosti // Voprosy' ugovnoy politiki. Krasnoyarsk, 1991. S. 155–165.

⁶ Nazarenko G. V. Prinuditel'ny'e mery' medicinskogo vozdejstviya: razdel «Mery' obshhestvennoj bezopasnosti» // Lex Russica. 2017. № 8 (129). S. 14.

⁷ Sm.: Lupinskaya P. A. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii.

⁸ Sm.: Nazarenko G. V. Prinuditel'ny'e mery' medicinskogo xaraktera : ucheb. posobie. M., 2011. S. 52.

⁹ Sm.: Dostovalov S. A. Celi prinuditel'ny'x mer medicinskogo xaraktera // Zakonnost'. 2000. № 1. S. 49–50.

¹⁰ Sm.: Mendzhiyeva A. B. Prinuditel'ny'e mery' medicinskogo xaraktera // Ros. yusticiya. 2007. № 1. S. 37–38.

¹¹ Sm.: O psixiatricheskoj pomoshhi i garantiyax prav grazhdan pri ee okazanii : zakon Ros. Federacii ot 02.07.1992 № 3185-I (red. ot 08.12.2020) // Vedomosti S'ezda narod. deputatov Ros. Federacii i Verxov. Soveta Ros. Federacii. 1992. № 33. St. 1913.

¹² Sm.: Shpy'nova E. V. Prinuditel'ny'e mery' medicinskogo xaraktera: teoreticheskie i pravoprimeritel'ny'e problemy' // Aktual. problemy' ros. prava. 2015. № 4. S. 64.

